

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький
Предисловие к книге
«Интересные незнакомцы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2347815

Аннотация

«Особенность этой войны – в том, что она всенародна; её ведёт не только армия, – механическая сила, нарочито приспособленная к разрушению такой же механической силы врага, – её ведут не только люди, профессионально обречённые на смерть, – нет, в ней принимают деятельное участие, и за страх и за совесть, люди высоко развитого интеллекта – учёные, литераторы, поэты, представители того общественного и очень тонкого слоя, который именуется интеллигенцией...»

Максим Горький

Предисловие к книге

«Интересные незнакомцы»

М., Госиздат, 1919

Особенность этой войны – в том, что она всенародна; её ведёт не только армия, – механическая сила, нарочито приспособленная к разрушению такой же механической силы врага, – её ведут не только люди, профессионально обречённые на смерть, – нет, в ней принимают деятельное участие, и за страх и за совесть, люди высоко развитого интеллекта – учёные, литераторы, поэты, представители того общественного и очень тонкого слоя, который именуется интеллигенцией.

В каждой стране интеллигенция – лучший, наиболее действенный мозг; интеллигенция – орган мысли и разума, выработанный волею народа из плоти и крови его. Интеллигент – культурная ценность, необходимая народу; это – сила, которая обобщает мелкий, ежедневный опыт трудящихся масс в стройные системы наук, она создаёт рабочие гипотезы, орудия для поисков истины; она строит идеологии, украшает цветами искусства нашу бедную красотой жизнь.

В идеале целью бытия интеллигенции является свободное

служению интересам народа, с которым она скреплена так же плотно, как система нервов с мускулами в организме человека. И каждый раз, когда органическая связь интеллигенции с народом разорвана, вольно или невольно, интеллигенция оказывается в пустоте, погружаясь в бездонную трясину индивидуализма, испытывает муки одиночества и, теряя присущий ей социальный идеализм, заболевает социальным одичанием.

В мире очень мало вещества, способного действительно мыслить, обогащать жизнь новыми идеями в области науки и техники, улучшать и украшать её осмысленным трудом.

Создание народом интеллектуальной силы – процесс мучительно медленный, трудный; он стоит рабочей массе чрезвычайно дорого и экономически и психически. Самое драгоценное в мире есть вещество нашего мозга; благодаря работе именно этого вещества мы создали всё, чем гордимся, и только его силою можем создать всё, чего жаждем.

Эта война истребляет неисчислимое количество дорого стоящего народу и принадлежащего ему творческого мозга. Один из немногих не одичавших мыслителей мира назвал общеевропейскую войну «гражданской войной», междуособием граждан Европы, детей единой культуры, ибо наука и искусство, основы культуры, не только интернациональны, они всечеловечны, они должны быть и стремиться быть планетарными.

И вот, подчиняясь безумию империализма, вызванного

рабским служением капитала богу Барышу, богине Прибыли, дети единой культуры уничтожают, уродуют друг друга и духовно истощаются.

Из тела каждой страны, участвующей в катастрофе, война ежедневно вырывает куски лучшего, наиболее здорового мяса, выплескивает на обезображенную землю ценнейшую кровь, разбрызгивает по грязи творческое вещество мозга.

Человечество Европы истекает кровью, а это – ценнейшая кровь земли, она кристаллизована в мыслях и деяниях прекраснейших, её работой жива и красива вся наша планета, её голос гордо будит к жизни все народы мира.

Поистине мир не знал катастрофы ужаснее той, которую мы переживаем. Вихрь огня и железа носится по земле, уродуя её лицо, истребляя её работников, уничтожая плоды великого труда племён и народов.

Восточные провинции богатой Франции, Бельгия, Польша и Литва, Галиция и Прибалтийский край, часть Восточной Пруссии, Сербия – всё это разорено, разрушено. Погибла Турецкая Армения, вырезано около миллиона армян; резали их, не щадя ни пола, ни возраста – стариков, женщин, детей. Страшно пострадали евреи Польши. Будет разорено и ещё немало земель, городов, деревень.

Когда союзники начнут побеждать, пострадают Австрия и Германия, окончательно разгромят Турцию.

Этот неисчислимый материальный урон всей тяжестью своей падает на плечи трудящихся масс. Разумеется, после

войны ужасы её дадут капиталу сказочные барыши. Подумайте, сколько разрушено зданий, взорвано мостов, испорчено дорог, уничтожено вещей!

Всё это нужно восстановить, сделать заново, и, конечно, всё это сделают, восстановят силою того народа, который разрушил богатства, созданные его же вековым трудом.

Но крайне трудно будет восстановить плодородие земель, исковерканных, загрязнённых и отравленных войною, трудно будет взрастить вырубленные и сожжённые леса.

Наиболее длительные и кровавые сражения разыгрывались на землях высокой сельскохозяйственной культуры. Теперь эти земли надолго испорчены, плодородные слои изрыты окопами, засорены гниющим мясом, подпочва обнажена, и земля, обработанная человеком, исчезла под глиной и песком.

Земля отравлена. Люди тоже отравлены взаимной ненавистью друг к другу, люди надолго насыщены чувством мести и злобы.

Подумайте, сколько безруких, безногих и всяких увечных дала, даёт и даст эта война! Человек не прощает ближним своего уродства даже и тогда, когда он уродлив по несчастной случайности или от природы. И вероятно, что физически изуродованных людей меньше, чем людей, духовно искаженных этой катастрофой.

Не может быть сомнения и в том, что множеству участников войны она внушила на всю жизнь чувство отвраще-

ния к человеку, к жизни, уничтожила в сердце тот социальный идеализм, которым они жили, стёрла в памяти идею всемирного братства, мечты о всеобщем равенстве народов, – с корнем вырвала из души те цветы социального идеализма, взрастить которые человечеству было так трудно.

Люди долго будут жить в холодной атмосфере ненависти друг к другу, и, вольно или невольно, они привьют эту ненависть детям своим; это – самое мрачное, чем грозит нам завтрашний день.

Дети в наше время особенно потерпят не только потому, что они непосредственно привлечены к участию в войне, но и потому, что их отношения друг к другу, к человеку, миру сложится во дни, когда ценность человеческой жизни, значение труда людей и всё, на чём основана культура, низведено к нулю, к ничтожеству, бессмысленно приносится в жертву грязному и кровавому богу – Барышу.

Понятия «культура», «культурность», очень неясные и для нас, взрослых строителей жизни, могут стать ещё менее ясны, ещё более чужды для тех, кто идёт на смену нам в труде и творчестве.

Дети – это завтрашние судьи наши, это критики наших воззрений, деяний, это люди, которые идут в мир на великую работу строительства новых форм жизни. Все преступления, вольные и невольные, все ошибки наши и заблуждения, предрассудки, созданные нами, и наша глупость – всё,

что оставим мы за собою на земле, всё это тяжким гнётом ляжет на тела и души детей.

Как влияет на детей угарная атмосфера войны?

Вот что рассказал об этом корреспондент одной из столичных газет ¹:

«Когда, в начале войны, мы с песнями или под звуки музыки входили в польские селения, нас почти всегда встречала версты за две-три от околицы селенческая детвора – десятки светлоголовых Ясек и Казимирчиков приветствовали нас весёлым детским гомоном.

Дети были лучшими друзьями солдат. Они требовали так мало – только разреши им посмотреть, послушать, потрогать оружие и амуницию.

И стоило нам остановиться в какой-нибудь деревне или местечке, как через несколько секунд около солдата уже было сколько угодно адъютантов: один нёс ему воды, другой бежал в лавочку за табаком, третий, перегнувшись всем тельцем на сторону, тащил выхваченный из домашней печи кипящий чайник.

Но такие идиллии имели место только в начале войны.

Прошло время, наступила страда боевая.

В галицийских деревнях поперёк улиц и огородов понарыли мы окопов.

Лишь изредка, когда затихала пальба, боязливо показыва-

¹ Из статьи С. Левитина «Дети и война», журнал «Русская школа», 1915, стр.90 – Прим. ред.)

лись на опушке одинокие фигуры. Голодные, исхолодавшие, трясясь от страха, пробирались они к покинутым домам своим, чтобы забрать оттуда и жадно проглотить последние крохи.

Много услуг нам оказывали дети. Часто, не замеченные неприятелем, пробирались они за провиантом, за водой. Они, знавшие каждый бугорок в окрестности, помогали при розыске раненых, находя их порою там, где ни одному санитару и в голову не пришло бы их искать.

Но уже дети были не те, какими встречали мы их в начале войны.

Это были уже маленькие партизаны, произносившие слово „убить“ голосом, подчас неясно выговаривавшим ещё слоги.

Вот и осень сменилась зимой.

Мы стояли в деревушке, из которой накануне отступил неприятель, понёсший здесь громадные потери. Весь вчерашний день наши санитары подбирали убитых и раненых, запорошенных снегом.

Было раннее утро, когда я вышел из полуразрушенной избы, в которой ночевал. Кругом было пусто и тихо. Ничто не говорило о войне, о смерти, царившей здесь вчера и, может быть, завтра.

Меня вернул к действительности раздавшийся невдалеке раскатистый смех. Трудно было определить, кому он принадлежал. Так мог смеяться юнец, у которого меняется голос, и

женщина улицы, и ребёнок простуженный.

Я осмотрелся. Невдалеке от меня за забором копошилась группа детей в возрасте от 8 до 12 лет, что-то серьёзно и деловито делавших.

Посиневшие от холода, завёрнутые в какие-то лохмотья, они над чем-то возились, как бы силясь что-то поднять.

Наконец их спины начали разгибаться, раздалось пыхтение – ребята добыли, по-видимому, что им было нужно.

Нет слов для передачи того, что я увидел в следующий момент.

Возвышаясь над головами детей на целый аршин, поддерживаемый детскими руками со всех сторон, встал среди них во весь рост труп австрийского солдата.

– Замёрз, як камень! – послышался радостный детский голос, покрытый затем смехом остальных.

Труп был мёрзлый, и потому солдат стоял, как на смотре, растопырив скрюченные руки, с белым, как мел, лицом, на котором не хватало подбородка, по-видимому, отхваченного осколком снаряда...

Один глаз был открыт и смотрел на меня стеклянным взглядом, – вид был настолько ужасен, что я с трудом удержался от крика.

Но то, что я увидел потом, вошло в мою душу уже не испугом, а настоящим ужасом...

Дети, держа австрийца в вертикальном положении, стали сгребать кругом него снег и, смеясь, обкладывали снегом по-

ставленный на ноги труп.

Они делали „бабу“, труп служил им как остов для укрепления её...

Я подошёл ближе, заглянул в детские лица и... ужаснулся.

Я увидел их оживлёнными и радостными, глаза голубые – сверкающими от белизны снега, уже покрывавшего мёртвого австрийца до пояса, и слышал смех...

„Значит – привыкли...“

Ужаснее всего здесь то, что дети привыкли, что то, что вошло кошмарным ужасом в душу закалённого в боях солдата, встречается детьми смехом. Может ли быть что-нибудь ужаснее этого „детского смеха“?..»

Этот проникнутый неподдельной искренностью и правдивостью рассказ очевидца заканчивается следующим, полным горечи и скорби вопросом:

«Пройдёт зима. Оттает лёд, сковавший реки. Очистившись от льдин, вновь зажурчат приветно воды. Поля, впитавшие в себя потоки крови, опять мириадами колосьев зацветут...

Но очистятся ли детские сердца? Или в жизнь уйдут они с привычкой к крови и с безразличием к страданиям людским?..

Кто может с уверенностью ответить на этот вопрос? Мы знаем, что не все психические травмы неизлечимы. Вероятно, и поранения детской души также поддаются излечению. Но для залечивания таких ран необходимо прежде всего об-

ратить внимание на самый факт поранения, необходимо затем серьёзно заняться лечением этих психических и моральных увечий детей.»

Эта картина игры детей с трупом не нуждается в пояснениях, читатель сам должен почувствовать и понять её мрачный, угрожающий смысл.

Разумеется, можно привести и ещё десяток подобных же фактов одичания детей, – фактов, которые война делает «бытовыми явлениями», как в своё время «бытовым явлением» была смертная казнь, тоже превращённая детьми в забаву, в игру.

Что внесут в жизнь дети, играющие с трупами, когда для этих детей наступит время сменить нас в жизни? Вот вопрос, серьёзность которого неизмеримо глубока.

Для нас, русских, всё ещё не воспитавших в себе уважения к человеку, для людей страны, в которой ценность жизни невероятно низка, – для нас этот вопрос имеет особенно трагическое значение, особенно жгучий смысл.

Как бороться с одичанием детей? Я не знаю, но думаю, что надо начать борьбой с одичанием взрослых. Ведь это они – хозяева жизни, они насыщают текущий день своими чувствами, настроениями, мыслями и хламом неосторожных слов, засоряющих душу, слов, пропитанных ненавистью, вызванной страхом, злобой, вызванной завистью.

Я предлагаю вниманию читателя эту книгу, составленную из писем и рисунков детей; эти письма и рисунки несколько

иного тона и характера, чем приведённый выше рассказ корреспондента, – в этих письмах есть подлинное человечески детское.

И мне кажется, что нам, взрослым, нам, законодателям, чьи законы завтра будут, может быть, ниспровергнуты детьми, – нам следует знать, как мыслят дети о войне, необходимо считаться с этой новорождённой мыслью.

Формально в ней нет ничего нового, но в этих письмах и рисунках ясно звучит тот социальный идеализм, который создан мучительным трудом многих поколений наших предков.

Этот социальный идеализм – священная риза, которой облачены были души лучших, величайших людей земли, и вот именно эту ризу мы, одичавшие, раздираем в клочья.

Великая заслуга перед жизнью и людьми – сохранить в душе истинно человеческое в дни, когда торжествует обезумевшая свинья.

Именно к этому зовут нас письма и рисунки детей: храните в себе человеческое, боритесь за торжество человечности.